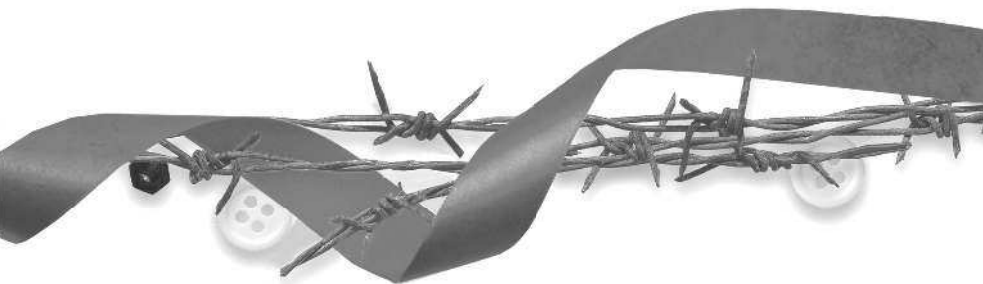


АЛАЯ
ЛЕНТА



ЛЮСИ ЭДЛИНГТОН

АЛАЯ ЛЕНТА



Freedom

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э21

Lucy Adlington
THE RED RIBBON

Copyright © Lucy Adlington, 2017

Эдлингтон, Люси.
Э21 Алая лента / Люси Эдлингтон ; [пер. с англ.
К. И. Молькова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. —
(Young Adult. Важные книги для молодежи).

ISBN 978-5-04-100181-0

«Алая лента» — лучший молодежный роман о Холокосте, кото-
рый я когда-либо читал».

*Роберт Иглстоун, профессор Института Холокоста
при Лондонском университете.*

Четырем разным девушкам было суждено встретиться на грани-
це жизни и смерти, в концлагере Аушвиц-Биркенау.

Элла — целеустремленная талантливая юная портниха, которой
удается благодаря своему мастерству выживать в лагере. Она шьет
великолепные наряды для тех, кто ежечасно обрекает на смерть
сотни тысяч безвинных людей. Девушка нашла убежище от беспо-
щадной реальности в мире шелка, ножниц и булавок. Здесь одно-
единственное платье может решить ее судьбу, даровав жизнь или,
наоборот, ее отняв.

Роза — нежная сказочница и фантазерка. Девушка всегда готова
поделиться своей скудной порцией еды с тем, кому она нужнее, и не
боится наказания за помощь другим заключенным.

Марта — привилегированная заключенная, управляющая швей-
ной мастерской. Она пойдет на все, чтобы остаться в живых.

Карла — одна из надзирательниц, для кого заключенные шьют
платья.

Им никогда не быть подругами, да и не каждой суждено вы-
жить в Биркенау. Можно только подарить надежду, символом кото-
рой станет алая лента, украденная однажды из тюремного ателье...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-100181-0 © Мольков К.И., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Памяти моей бабушки,
урожденной Э.Р. Уайлд,
и в знак благодарности той,
старинной Бетти*

Жизнь наша — плач, но, веру сохранив,
В венце из роз бесстрашно мы готовы
Во тьму спуститься, — так мы говорим.

Руперт Брук. Холм

ЗЕЛЕНЫЙ

*Нас четверо: Элла, Роза, Марта и Карла.
В другой жизни мы все могли бы стать подругами.
Но только не в Биркенау.*

Бежать в таких дурацких башмаках было очень трудно. Грязь под ногами была густой, как патока. Те же самые трудности испытывала и женщина, бежавшая впереди меня. Один ее башмак увяз, и ей пришлось остановиться. Это хорошо. Я очень хотела прибежать на место первой.

В какой из этих одинаковых построек, «блоков», находится место, которое мне нужно? Уточнить было не у кого. Остальные тоже мчались вперед, не разбирая дороги, похожие на стадо испуганных животных. Туда бежать? Нет, сюда. Вот оно, это место. Я резко остановилась, и бежавшая за мной женщина едва не врезалась в меня. Мы обе взглянули на здание. Да, это должно быть именно оно. Ну что, теперь осталось просто постучать? А мы не опоздали, нет?

О, только бы я не опоздала!

Я привстала на цыпочки и заглянула в маленькое, прорезанное высоко в двери окошечко, но ничего не увидела в нем, кроме своего собственного отражения.

Я пощипала себя за щеки, чтобы они слегка порозовели, и пожалела, что не доросла еще до того, чтобы иметь свой огрызочек помадного карандаша.

Хорошо хоть мой заплывший глаз приоткрылся, хотя зеленовато-желтый синяк, конечно, все еще не сошел. Но зрение уже полностью восстановилось, и это самое главное. Синяк и все остальное хорошо прикрыли бы густые волосы, но что жалеть о том, чего нет?

— Мы опоздали? — хрипло спросила женщина. — Мой башмак остался в грязи.

Когда я постучала, дверь распахнулась так быстро, что мы с женщиной подскочили от неожиданности.

— Опаздываете, — резко сказала нам молодая женщина, пристально оглядывая нас. Я посмотрела на нее в ответ. За три недели вдали от дома я так и не научилась правильно унижаться, несмотря на то какой силы удары следовали за неповиновением. Эта девушка была ненамного старше меня и, казалось, целиком составлена из углов. Нос у нее был таким острым, что им можно было нарезать сыр. Я всегда любила сыр. И рассыпчатую салатную брынзу, и мягкий сливочный сыр, который так хорошо подходит для свежего хлеба, и даже тот странный, с зеленым пушком, который старики любят в крекерах...

— Хватит стоять! — Острое лицо девушки нахмурилось. — Идите внутрь! Вытрите ноги! Ничего руками не трогать!

И мы зашли. Я сделала это и оказалась в швейной мастерской, «Салоне верхней одежды». Кажется, это рай. Как только я услышала, что здесь есть работа, то сразу поняла, что должна получить ее, чего бы мне это ни стоило.

В мастерской я насчитала примерно два десятка голов, склонившихся над жужжащими швейными ма-

пинами. Словно сказочные персонажи, подпавшие под заклятие. Я сразу заметила, что все они были опрятными, одетыми в рабочие коричневые комбинезоны — несравненно лучше грубой мешковатой робы, соскальзывающей с моих плеч.

Рабочие, деревянные, выскобленные до белизны столы были завалены набросками моделей и нитками. На полках в дальнем углу лежали лоскуты тканей — таких ярких, что мне пришлось проморгаться. В другом углу располагались безголовые портновские манекены. Откуда-то слышалось шипение и позвякивание тяжелого утюга, а в воздухе ленивыми насекомыми кружились пушинки хлопка от ниток.

Никто не оторвался от работы, девушки продолжали шить с таким усердием, словно от этого зависела их жизнь.

— Ножницы! — послышался крик откуда-то сбоку. Сидевшая за ближайшей машиной швея, не прекращая нажимать ногой на педаль, подняла лапку, чтобы освободить ткань, и незанятой рукой протянула ножницы. Я наблюдала, как инструмент переходил из рук в руки до стола, где ждал раскрыя кусок темно-зеленого твида.

Открывшая нам дверь угловатая девушка пощелкала пальцами перед моим лицом.

— Не отвлекайся! Я Марта, и я здесь главная, понятно?

Я кивнула. Женщина, вошедшая за мной, заморгала и переступила с ноги на ногу. Ей было уже много лет, около двадцати пяти, нервная, как кролик. Из кроличьей кожи получают отличные перчатки. Раньше у меня были домашние тапочки на кроличьем меху. Очень уютные. Не знаю, что случилось с самим кроликом. Наверное, пошел на рагу...

Щелк! Я вынырнула из воспоминаний. Нужно сосредоточиться.

— Слушайте внимательно, — приказала нам Марта. — Я не стану повторять...

Бам! Это снова распахнулась дверь, и в нее впорхнула еще одна девушка, сутулая, с круглыми щеками, как белка, собравшаяся припрятать горсть орехов на зиму.

— Прошу прощения...

Новенькая застенчиво улыбнулась и опустила взгляд на свои туфли. Я тоже посмотрела на них. Очевидно, она смущалась потому, что на ногах у нее была разная обувь. На одной ноге — атласная туфелька болезненно-зеленого цвета с металлической пряжкой, на другой — грубый кожаный башмак с оборванными шнурками. Когда нас впервые переодевали, то просто накидали разномастной обуви. Неужели эта Белка не смогла найти нормальную пару? Уверена, она бесполезна. И еще этот ужасный, ужасный акцент. Богачка.

— Я немного опоздала, — сказала она.

— Не стоит, — ответила Марта. — Кажется, среди нас *леди*. Как мило с вашей стороны присоединиться к нам, *мадам*. Чем могу служить?

— Говорят, в швейной мастерской неожиданно открылась вакансия, и вам нужны хорошие работницы.

— Нужны, черт возьми! Хорошие портнихи, а не леди из высшего общества. Ты выглядишь как дама, привыкшая сидеть на подушках и расшивать шелком мешочки с лавандой и прочие бесполезные мелочи. Я права?

Белка, казалось, даже не поняла, что над ней издеваются.

— Да, я умею вышивать, — сказала она.

— Ты будешь делать то, что я тебе прикажу! — рывкнула Марта. — Номер?

Белка приняла элегантную позу. Как ей удавалось выглядеть так непринужденно в такой несуразной обуви?

Это была не девушка моего круга. Несмотря на то что одеты мы были одинаково плохо, ее превосходство чувствовалось. Не внешнее, а внутреннее. Свой номер она произнесла с идеальным выговором. Мы с Кроликом тоже продиктовали свои номера. Кролик даже слегка заикалась.

— Ты! — Марта указала на Кролика. — Ты что умеешь?

— Я? — Она вздрогнула. — Я умею шить.

— Идиотка! Разумеется, ты умеешь шить, иначе тебя бы здесь не было! Разве я давала объявление, что мне нужны портнихи, которые не умеют шить? Сюда сбежалась целая толпа желающих увильнуть от более тяжелой работы.

— Я... Я шила дома. Одежду для своих детей, — ответила Кролик, и ее лицо вдруг стало смятым, как носовой платок.

— Боже, ты ведь не собираешься плакать? Терпеть не могу сопли. Что насчет тебя? — Марта обернулась, чтобы взглянуть на меня. Я сжалась под этим взглядом, как шифон под горячим утюгом. — А ты не рано сюда пришла? Сколько тебе лет?

— Шестнадцать, — неожиданно сказала Белка. — Ей шестнадцать. Она сказала так при знакомстве.

— Я не тебя, я ее спрашиваю.

Я сглотнула. Шестнадцать было здесь числом магическим. Если ты младше, ты бесполезен.

— Она права. Мне шестнадцать.

Будет. Когда-нибудь.

Марта фыркнула:

— Попробую угадать. Ты тоже умеешь шить. Плата для своих кукол. Сможешь пришить пуговицу, ког-